

вали и статистические источники в своих работах. Именно статистика, как отмечалось ранее, дает основу для «динамичных» данных просопографических исследований. Следует, однако, учитывать возможности как источниковой и историографической базы исследования, так и самого исследователя (исследовательского коллектива). Может подвергаться сомнению и репрезентативность используемых данных. Неудивительно, что, например, Ю.Ю. Юмашева, в своей диссертации сконцентрировалась на высшем командном составе Советских Вооруженных Сил именно в период Великой Отечественной войны (ограниченная группа лиц и временной период).

При создании коллективной биографии офицерского корпуса белорусской милиции советского периода в первую очередь необходимо определиться с объектом исследования. После введения специальных званий в 1936 г. сотрудники советской милиции стали составлять две большие группы – начальствующий и рядовой состав. В структуре начальствующего состава выделялся высший, старший, средний и младший. Такое деление существует и сегодня, хотя наименование специальных званий претерпевали изменения в 1943 и 1973 гг. К офицерскому корпусу по традиции относят только высший, старший и средний начальствующий состав ОВД. Численность офицерского корпуса, как и всего личного состава ОВД, относилась и относится к информации, ограниченной к распространению в открытой печати. Учитывая, что создание базы данных для просопографического исследования является достаточно трудоемким с учетом десятков тысяч офицеров, проходивших службу в белорусской милиции в 1936–1991 гг., необходимо по примеру Ю.Ю. Юмашевой либо ограничить временной период, либо ограничиться рассмотрением личного состава одной из служб или категории должностей (специальных званий) ОВД БССР. При этом в качестве базы данных частично могут использоваться справочные издания, подготовка которых осуществляется к памятным и праздничным датам. В качестве примера можно отметить, например, биографический справочник «Комиссары и генералы органов внутренних дел и внутренних войск Беларуси», в который включены 44 статьи о представителях высшего начальствующего состава белорусской советской милиции периода 1944–1991 гг. Основу источниковой базы просопографического исследования офицерского корпуса ОВД БССР составляют в первую очередь материалы кадрового делопроизводства – автобиографии, листки по учету кадров, оригиналы или копии документов об образовании, семейном положении и т. д., фактически все документы, входящие в личные дела сотрудников. Доступ к этим материалам, как и свободное использование их в научных исследованиях также имеют свои ограни-

чения. Однако постепенное введение их в научный оборот представляется важной исследовательской задачей в части полной и достоверной реконструкции истории белорусской милиции.

Таким образом, проведение просопографического исследования офицерского корпуса белорусской милиции советского периода, являясь, с одной стороны, очень трудоемкой задачей, позволяет не только проследить динамику изменений личного состава ОВД, но и реконструировать его повседневность в форме коллективной биографии. Создание последней представляется не только важной научной задачей, но и имеет определяющее идейно-воспитательное значение, в части формирования преемственности и чувства сопричастности различных поколений сотрудников ОВД, а также передачи опыта их деятельности.

УДК 94 (476):351.745.5

А.А. Киселёв

СОСТАВ НАЧАЛЬНИКОВ ГОРОДСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

При характеристике личного состава чинов полицейских управлений белорусских губерний особый интерес представляет информация о руководящих кадрах. В частности, во главе городских полицейских управлений находились полицеймейстеры. В целях анализа данных нами был выбран период с 1896 по 1914 г. включительно. Это обусловлено тем, что в 1896 г. было сформировано Гомельское городское полицейское управление, которое стало последним в числе городских полицейских управлений, действовавших на территории белорусских губерний до 1917 г. Всего же на территории белорусских губерний существовало 12 городских полицейских управлений. В частности, по три управления действовало в Гродненской (Гродно, Брест и Белосток), Минской (Минск, Бобруйск и Пинск) и Витебской (Витебск, Двинск и Полоцк) губерниях; 2 – в Могилевской губернии (Могилев и Гомель), и Виленское городское полицейское управление было единственным городским управлением в Виленской губернии. На основании данных о начальниках городских полиций, опубликованных в «Списках чинов Министерства внутренних дел», были проанализированы сведения о 43 (64 %) полицеймейстерах из 67 глав городских полиций. По отдельным позициям на основании «Памятных книжек» сведения о полицеймейстерах, которые не попали в «Списки чинов Министерства внутренних дел», удалось дополнить.

К ним относятся данные о чинах или образовании, в нескольких случаях о служебном цензе до назначения на должность. Естественно, что наиболее полная информация содержится в формулярных списках чиновников. По таким показателям, как уровень образования, время пребывания на службе в целом, служба по ведомству Министерства внутренних дел, класс чина, вероисповедание, можно составить вполне определенную картину. Кроме того, анализ сроков нахождения в должности позволит осветить некоторые аспекты кадровой политики.

Средний срок службы до назначения на пост полицеймейстера составил 19,9 лет, но при этом в одном случае минимальный ценз составил 11 лет, а в одном случае ожидать своего назначения пришлось 35 лет. При этом далеко не все чиновники сразу начинали свою службу по ведомству Министерства внутренних дел. Таких оказалось только 24 (54,5 %) из 44 человек, или чуть больше половины. Вместе с тем, если учитывать тех, кто перешел в Министерство внутренних дел после первого года на государственной службе, то процент «коренных» сотрудников окажется повыше и составит 61,3 % (27 человек). Обращает на себя внимание тот факт, что 6 человек (13,6 %) до своего назначения на должность полицеймейстера либо вообще не служили в Министерстве внутренних дел, либо их ценз не превышал и полугода. Отнюдь неслучайно средний срок службы по ведомству Министерства внутренних дел составил 14,9 лет. Обращает на себя внимание то, что 27,4 % (17 человек) всех начальников полиции находились в должности год или менее того. В течение двух лет свои обязанности исполняли 14 человек, или 22,6 % всех полицеймейстеров. От трех до семи лет на своем посту провели 40 % (25 человек) глав полицейских управлений. Показательно, что 5 (8 %) полицейских чиновников, которые занимали должность от 11 лет и больше, начинали свою службу еще во времена правления Александра III.

Появление начальников городских полиций, которые не имели отношения к полицейской службе, как правило, объясняется тем, что на эти должности часто назначались лица, имевшие преимущественно военный опыт. На это косвенно указывает анализ выслуженных чинов. Из 61 полицеймейстеров 49 человек (80,3 %) имели гражданские, а 12 сохранили свои воинские чины. При этом гражданские чины распределились следующим образом: 1 чиновник стал полицеймейстером имея первый классный чин – XIV кл., 4 – X кл., IX кл. – 8, VIII кл. – 15, VII кл. – 9, VI кл. – 11, V кл. – 1. Среди тех чиновников, кто сохранил военные чины, оказались 4 ротмистра, 2 капитана, 2 штаб-ротмистра, 2 подполковника и 2 полковника.

Сведения об образовании 52 полицеймейстеров показали, что ни один из начальников городских полицейских управлений не получил высшего

образования. Далеко не все полицейские чиновники могли похвастаться средним образованием. Таких оказалось 9 человек (17,3 %). В частности, 4 человека окончили гимназию, 4 прошли обучение в духовной семинарии, 1 окончил реальное училище, 6 человек (11,5 %) обучались в военных училищах, что приблизительно соответствовало уровню среднего образования. Впрочем, не всем удалось освоить курс обучения в полном объеме: 2 человека оставили реальное училище, а 1 не справился с обучением в семинарии. 11 (21,1 %) человек окончили пехотные и кавалерийские юнкерские училища. Один будущий полицеймейстер окончил кондукторскую школу. Еще один начальник полиции не справился с обучением в Виленском пехотном юнкерском училище. 16 человек (30,7 %) имели образовательный ценз в размере уездного (10 человек), городского (2 человека), духовного (2 человека), уездного дворянского и лесного училищ. 2 человека окончили курсы с целью приобретения профессии землемера, 1 человек прошел Московские счетоводческие курсы. Лица, которые ограничились лишь домашним образованием, оказались уже в очевидном меньшинстве (2 человека – 3,8 %).

Подавляющее большинство глав городских полицейских управлений исповедовали православие. По крайней мере, из 43 человек лишь один оказался лютеранином. Показательно, что среди них не было ни одного католика. К сожалению, достаточно сложно оценить количество местных уроженцев среди полицейского начальства. Вместе с тем по такому косвенному признаку, как место обучения, можно предположить, что доля уроженцев белорусских губерний составляла не менее 19,2 % (10 человек).

Таким образом, начальники городских полиций не имели высокого образовательного ценза, исповедовали православие и в большинстве случаев были кадровыми служащими Министерства внутренних дел. Однако некоторый процент составляли лица, которые перешли на службу из военного ведомства. Почти каждый пятый полицеймейстер был скорее всего уроженцем белорусских губерний, но остальные являлись выходцами из иных губерний Российской империи. В конце XIX – начале XX в. начальники городских полиций, как правило, достаточно непродолжительное время исполняли свои обязанности (27,4 %). Отчасти такая кадровая чехарда обусловлена революционными событиями 1905–1907 гг. Например, белостокский полицеймейстер П.П. Деркачев был убит, исполнявший обязанности виленского полицеймейстера ротмистр Е.К. Климович получил тяжелое ранение. Другие руководители полицейских управлений отстранялись губернаторами от должности в силу неспособности справиться со своими обязанностями в условиях массовых беспорядков.